

Ариадна И. Кузнецова (Москва)

Диахроническая информация
лингвистического и экстралингвистического характера
во фразеологии обско-угорских и самодийских языков
(на примере идиоматических эвфемизмов)

В докладе, прочитанном в 1999 г. в Гамбурге на международном уралистическом симпозиуме «Диахрония в синхронном описании языков», вскользь упоминается об особом типе идиоматических словосочетаний – эвфемизмах, появляющихся на месте табуированных в древности слов [Кузнецова 1999: 72]. Анализ ныне существующих идиоматических эвфемизмов позволяет извлечь информацию нелингвистического характера из идиом такого типа в современных уральских языках.

Запреты (табу) разного рода, вызванные страхом перед неведомым, сопровождали в древности человека всю его жизнь. Табу – понятие не столько лингвистическое, сколько этнографическое. Это нечто сакральное, священное; ханты говорят: *ан рахад*, *ем (емц)* «нельзя, свято». Во многих архаических культурах существовали (и нередко сохраняются до сих пор) запреты на предметы, пищу; на животных, птиц, которых нельзя убивать, разделывать и есть, если они являются тотемами рода. Объектом табуирования были поступки человека, которые могли причинить вред и привести к гибели людей. За нарушение установленных правил поведения ожидалась кара. Чтобы спастись от нее, создавались разные обереги, возникали обряды 'избегания' и т.п. Не случайно в свое время К. Леви-Стросс назвал табу «древней формой нравственности». Но объектами табуирования были не только явления окружающей действительности: запрещались слова, обозначающие табуированных животных, многие из которых считались существами, способными понимать человеческую речь и соответствующим образом реагировать на нее. Налагались запреты на имена собственные людей и божеств с целью не повредить чем-то хозяину имени или не вызвать наказания, обидев его (если это был дух). Вера в магию слова, употребление которого может накликать беду, погубить человека и весь его род, привела к появлению слов-заместителей: вместо запрещенных использовались «подменные, подставные, замещающие» слова – эвфемизмы. Вера народа в магическую функцию слова, в то, что язык способен влиять на окружающую человека действительность, нередко передавалась другому этносу, представители которого,

не считая то или иное животное или птицу своим предком, тем не менее, опасались (на всякий случай!) называть их исконными именами. Так, в районах совместного проживания русского старожильческого населения с хантами русские жители табуировали слово *селезень* и заменяли его в русском языке на сочетание *утка-шаман* [Молданов 1999: 79]. При изучении в обско-угорских и самодийских языках эвфемизмов, среди которых много устойчивых (идиоматических) словосочетаний наряду с отдельными словами, лингвист не может игнорировать факты этнографического характера, тесно связанные с прошлым народа.

В большинстве языков мира слов, подвергающихся табуированию, особенно много в речи охотников. Это прежде всего наименования животных, о которых и пойдет речь в статье. В языках хантов и манси наибольшее количество эвфемизмов встречается для названия медведя, что не случайно: у обских угров существует культ медведя, получивший оформление в виде «медвежьего праздника». В свое время М. Бакро-Надь обнаружила у обских угров приблизительно 500 терминов в языке «медвежьих игрищ» [Bakró-Nagy 1979], из них 132 – эвфемистические наименования самого медведя, по большей части являющиеся идиоматическими оборотами. Обско-угорские «медвежьи песни» (по-хантыйски эвфемизм *вой арат* буквально означает «звериные песни»¹), начиная с конца 1880-х гг., неоднократно привлекали к себе внимание историков, этнографов, лингвистов, музыковедов из разных стран, интересующихся культурой этих народов (Н.Л. Гондатти, Б. Мункачи, С.К. Патканов, Н.Н. Харузин, В.Н. Чернецов, Р.П. Митусова, А. Каннисто, М.Б. Шатилов, Й. Папай, В. Штейниц, А. Вяйсянен, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, З.П. Соколова, Е. Шмидт и многие др.). В медвежьем празднике все исследователи отмечали оппозицию сакрального и профанного, фиксировали две тенденции, четко прослеживаемые во время обрядовой игры. Первая связана с благоговейным отношением к происходящему, вторая – с десакрализацией действия, с созданием атмосферы веселого праздника, во время которого эротические сценки, чередуясь с географически-познавательными песнями и с песнями исторического характера, формируют особый 'смеховой мир'.

В медвежьих песнях перемежаются слова повседневного языка и слова сакрального, специального языка, не употребляемые в обычной, бытовой речи (так называемый язык духов – хант. *лоңх ясаң*). Эвфемизмы понятны всем носителям языка, как понятны и сами факты, явления действительности, подвергаемые табуированию. Слова же тайного сакрального языка доступны пониманию лишь избранных (шаманов и их помощников). При этом не всегда ясно, как соотносятся отдельные эвфемизмы со словами сакрального языка, являющегося эзотерическим

¹ Параллельно с названием *вой арат* Т.А. Молданов [1999: 14] дает не переведенное им сочетание *кайёяң арат*, которое, возможно, представляет собой не эвфемистическое устойчивое сочетание, а оборот тайного, сакрального языка, знать который непосвященным не дано. Можно высказать предположение о связи непереводаемого запева и концовки медвежьих песен *кайёяна-ёйна* [Молданов 1999: 90] с эвенским *кауэн* или *кауан* «старик, здоровый, живучий человек; живучий медведь» [Аникин 1997: 186].

и рассчитанным на знание его только посвященными. В качестве примера можно привести слово *йт*, которое в сакральном языке означает период жизни человека (*волупсы йит* «жизни период»), а в хантыйском языке в области профессиональной лексики орнаментального искусства это слово означает изгиб чего-либо (*шакари йит* «зигзага изгиб», *лапат йитпи сорнян нув* «с семью изгибами золотая ветвь») [Молданова 1999: 63]. С другой стороны, эвфемистические словосочетания следует отличать от застывших словесных формул, представляющих собой фразеологизированные иносказательные или образные выражения из фольклора, клише, за которыми стоят определенные особенности мировоззрения народа, обычаи, обряды. Напр., у казымских хантов (с. Полноват) земля (слово не подвергается табуированию!) описывается стойким выражением *кусылак керлум наян мухал* «как обруч изогнутая божественная округлость» (*Най* – божество женского рода); в формулу созыва земных духов входит устойчивое выражение *лапат мув сун эвалт, лапат йиңк сун эвалт* «с семи углов земли, с семи углов вод», также являющееся эпитетом земли, и др. [Молданов 1999: 70]². В обско-угорских медвежьих песнях в силу их большой канонизации очень трудно (в отличие от других жанров фольклора) провести четкие границы между названными тремя типами устойчивых оборотов (идиоматические эвфемизмы, обороты тайного шаманского языка и образные выражения-формулы из фольклора³). Тем не менее, среди множества устойчивых выражений можно выделить определенный круг идиоматических эвфемизмов, замещающих табуированные названия тотемных животных в медвежьих песнях хантов и манси. Правда, однозначных наименований для каждого вида промыслового и / или тотемного животного почти невозможно, так как табуируемое животное обладает способностью перевоплощения. Возникают цепочки перевоплощений, в которые оказываются втянутыми не только животные, но и духи, и предметы, и люди. Метаморфозы духов в животных приводят к появлению эвфемизмов, относящихся то к духу, то к животному. Примером может служить *Ем вож ики* (букв. «священного города

² В нен языке существуют образные словосочетания *ныкла "ма* я «земля, место, где кто-то умер» (букв. 'место отрыва, разрыва; ссадина', т.е. то место, где прервалась жизнь человека и откуда необходимо перебраться на другое стойбище); *нумда, яда хобсяңгу* «он будет очень благодарен» (букв. 'небо-его (для него), земля-для него без верхнего покрова'. (По древним преданиям, небо имело несколько слоев, в которых были отверстия; через отверстия в нижнем небесном покрове просвечивал в виде звезд золотой верхний свод неба. В приведенном же сочетании подчеркивается, что даже такого покрова нет, все небо ясно видно).

³ В самом деле, почему выражения «с мохнатыми глазами» или «с зубчатыми спинами» множество маленьких сил» считаются первое стойким эпитетом лесных духов, которые тоже подвергаются запретам, второе эпитетом осетра, а обороты «тундровый зверь», «клыкастый зверь», «когтистый зверь», «вольный зверь» (=медведь), в отличие от выражений «крылатые сотни», «ногастые сотни» (=духи в орнитоморфном и зооморфном обликах), – эвфемизмами? Точно так же в выражении «многочисленные боры проходим мы, животного ягелем (покрытые)» слово *животное*, относящееся к оленю, называется параллелизмом (на самом деле, использован параллельно оборот со словом *олень* и *животное*), как и в другом месте, где это же слово *животное*, относится к соболю, в третьем – к лошади, но одновременно оно может быть эвфемизмом медведя. К сожалению, четыре медвежьих песни, приведенные в книге Т.А. Молданова [1999: 90-122], даны лишь в русском переводе.

мужчина») – божество, имеющее священный облик медведя и превращающееся в другое существо (мышь) [Молданов 1999: 76]. По сути, данный идиом подразумевает сразу несколько обликов духа, при этом сам медведь служит знаком духа *Ем вож ики*. Получается замкнутый круг: медведь (или мышь) – заместители духа, а имя духа – эвфемизм медведя. Однако большинство эвфемизмов для именованья медведя незатейливы и сходны по своей внутренней форме с эвфемизмами у других народов, как напр., старое хант. *о́йя-икэ* «старик в шубе» [Карьялайнен 1996: 13]. Табуируется не только сам зверь, но и его следы⁴. Последние называются «узорами» – ханши: *пупухиен ханши* «медведя-самца узор-след» [Молданова 1999: 121, 256]. В целом следует отметить, что границы между собственно эвфемизмами, представленными в виде устойчивых сочетаний, и образными выражениями из фольклора, весьма зыбки. Оба эти вида идиоматических словосочетаний могут быть противопоставлены идиомам из сакрального языка, в котором не только образы, но и большинство слов непонятны носителям языка.

В современном мансийском языке медведь – *вортолнут* (< *ворт+олнэ+ут*), букв. «в лесу живущее существо»). У манси даже для собак, облаивающих медведя, использовался эвфемизм: *леегын утыг* «с хвостами» вместо *амп* или *кути* [Чернецов 1987: 40]. Назначение данного эвфемизма – охранительное (чтобы медведь не съел лающих собак). Запрещенными были и названия частей тела и внутренностей медведя: «Медвежьи уши – *ан кваланге*, два уха вместо *паланге лал*, сердце – *ялпинге* вместо *сым*. ... голова – *пунк* вместо *ава*, шкура *тарев сов* вместо *сангый*» [Чернецов 1987: 39].

В самодийских языках, где отсутствует культ медведя, количество эвфемизмов для обозначения медведя значительно меньше, чем в обско-угорских языках, и среди эвфемизмов преобладают не идиомы, а отдельные слова. В селькупском языке не встречаются эвфемистические словосочетания с подчинительной связью типа обско-угорских для существительного *qorqu* «медведь»; здесь есть только слова *il'ca* (букв. «дедушка»), *lōsy* (букв. «черт») или сочетания слов с сочинительной связью *lōs-ira* («черт-старик»), *lōs-il'ca* («черт-дед»). В ненецком языке вместо слова *vārк* «медведь» возможны идиоматические эвфемизмы, как, напр., *ям' мядома* (< *мядоць*) «бурый медведь» (букв. «землю использующий в качестве жилища»), *ваңгутахана мэна* с тем же значением (букв. «в берлоге находящийся») [Терещенко 1965: 938] и др. «Белый медведь» вместо *сэр* – *vārк* «скрывается» под именем *ңарка нохо* букв. «большой песец» или *хэбидя* «священный». Священными и, следовательно, табуированными животными являются и те животные, которыми питается медведь. Так, священны заяц и нерпа, поскольку их ест медведь. Отсюда у ненцев нерпа называется *хэбидя ңавър* букв. «священная еда»; по той же причине женщинам запрещалось носить нерпичьи пимы [Чернецов 1987: 124].

⁴ Ср.: в русском языке (амурские говоры) табуируется след кабана, получивший название в речи охотников *аргиш*, что интерпретируется как «перекочевка» [Аникин 1997: 96].

В рассматриваемых языках встречаются эвфемизмы и для многих других табуированных наименований животных и птиц, как священных, так и промысловых. Обычным является табуирование хищников, напр., волка: сельк. *šäl' amugul'* *sūgur*, букв. «оленья пожирающий зверь» вместо *ситруна*; нен. *тэв ямб*, букв. «длиннохвостый», манс. *сали пурнэ уй* и хант. (шурьш.) *вулы порты вой*, букв. «оленья загрызающий зверь», и др. Ср. эвфемизмы для рыси в манс. *вор кати* (букв. «лесная кошка»).

Среди священных представителей фауны наиболее интересные запреты касаются лягушки и змеи. В мансийском языке эвфемизмом для названия лягушки (*пурьпан экв*) служит выражение *хал экв* «между кочек женщина». Она почитается на Сосьве, убивать ее нельзя. Если лягушку проглотила щука или налим, в которых лягушка найдена, то рыб есть нельзя, а «надо выбросить в лес или же засолить. В соленом виде есть можно» [Чернецов 1987: 35-36]. Священной считается и змея, имя которой табуируется и замещается устойчивым словосочетанием *ялпинг уй* (букв. «священный зверь»). Со змеей происходят метаморфозы – она не умирает, а превращается в камень [Чернецов 1987: 36]. Эвфемизм названия змеи у казымских хантов *емаң вой* (букв. «вечный зверь») опирается на легенду о том, что змея никогда не умирает, а перевоплощается в иные ипостаси.

Литература:

- Аникин, А.Е. 1997: Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск.
- Баладин, А.Н. – Вахрушева, М.П. 1958: Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Ленинград.
- Карьялайнен, К.Ф. 1994–1996: Религия югорских народов. Т. 1–3. Томск.
- Кузнецова, А.И. 1999: Диакроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии самодийских языков (на примере селькупского и ненецкого языка). – Eugen Helmski (Hg.): *Diachronie in der synchronen Sprachbeschreibung. Materialien zum Internationalen Uralistischen Symposium*. Hamburg, 6.–10. Oktober 1999. (MSUA 21.) 69–74.
- Лапина, М.А. 1998: Этика и этикет хантов. Томск.
- Молданов, Т.А. 1999: Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск.
- Молданова, Т.А. 1999: Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, морфология, генезис. Томск.
- Терещенко, Н.М. 1965: Ненецко-русский словарь. Москва.
- Терещенко, Н.М. 1990: Ненецкий эпос. Материалы и исследования по самодийским языкам. Ленинград.
- Чернецов, В.Н. 1987: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск.
- Bakró-Nagy, M.Sz. 1979: *Die Sprache des Bärenkultes im Obugrischen*. Budapest.